

УДК 811.111.81'373.72
DOI 10.17223/19986645/29/4

А.В. Меликян

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ФРАЗЕОСХЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме экспрессивности синтаксических фразеологических единиц испанского языка, в частности фразеосхем. Данное свойство может проявляться в наличии асимметрии означающего и означаемого, эмоционально-экспрессивного компонента значения, в обязательном совмещении диктумной и модусной пропозиций, а также стилистической маркированности. Экспрессивность фразеосхем способствует их эффективному функционированию в речи и позволяет им выступать в качестве важного средства воздействия на адресата.

Ключевые слова: фразеосхема, экспрессивность, асимметрия, диктум, модус, стилистическая маркированность.

Изучением фразеологических единиц ученые-лингвисты занимаются уже несколько веков. В большей степени данные единицы языка исследовались в отечественной лингвистике (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, Л.П. Якубинский, А.И. Смирницкий и многие другие). В зарубежной лингвистической науке уделяется мало внимания их исследованию. В связи с этим сформировались разные лингвистические традиции изучения фразеологии. В отечественном языкознании фразеология – самостоятельная научная дисциплина, в то время как в зарубежной лингвистике она рассматривается в качестве составляющей других разделов языкознания: стилистики, риторики, лексикографии, культуры речи и т.п.

Языковые единицы фразеологической подсистемы любого языка, в том числе современного испанского языка, относятся к экспрессивным средствам, поэтому их исследование только в структурном, семантическом, парадигматическом и этимологическом аспектах является неполным. Необходимо также проанализировать природу их воздействующей силы.

Использование таких языковых единиц имеет большое значение в процессе общения, придает ему экспрессивность, так как эффективность процесса коммуникации обусловлена не только информативной функцией, но и воздействующей, которая в первую очередь опирается на эмоционально-экспрессивный потенциал языковых единиц.

Понимание экспрессивности как важного свойства единиц речи базируется на утверждении, что без «человеческих эмоций» никогда не было, нет и быть не может человеческого искания истины. Само познание есть уже отношение субъекта к объекту. «Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром...» [1. С. 142]. Она «подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений и характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не равна ни его логико-семантической, ни синтаксической структуре» [2. С. 52].

Субъективное отношение человека к различным фактам реальной действ-

вительности, которое является эмоционально окрашенным, объективируется в значении языковых единиц. «Это отношение может включать в себя эмоционально-оценочную модальность, стилистическую маркированность в самом широком смысле (которая тоже есть род суждения о ценности) и собственно экспрессивную окраску, рассматриваемую нами как своего рода итог всех “предшествующих”» [3. С. 17].

Эмоциональность и экспрессивность не являются тождественными понятиями. Эмоциональность – это явление семантическое, оно служит для выражения различных чувств и воли человека. «Экспрессивные же средства в языке служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоций, выражении воли, так и при выражении мысли» [4. С. 108]. По мнению О.В. Александровой, экспрессивность является функцией языка, это «способность выразить эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [5. С. 7].

Экспрессивность и эмоциональность являются константными свойствами синтаксических фразеологических единиц, в том числе фразеосхем. Они всегда соотносятся с нейтральной формой изложения и вне такого соотнесения немислимы. Усиленная выразительность предполагает акт, процесс усиления. Интенсивность как показатель степени усиления представляет собой количественную характеристику качеств экспрессивной стороны речи. Она показывает то, насколько экспрессивное возвышается над предметно-логическим содержанием высказывания.

Экспрессивность базируется на представлении о том, что различные языковые средства в разной степени соотносятся на когнитивном уровне с различными процессами. Экспрессивность языковых средств – это имманентная текстовая характеристика, которая формируется в процессе порождения текста. Экспрессивность текста – это его способность оказывать определенное воздействие на сознание и поведение реципиента; это обязательная для любого текста и одна из ведущих концептуальных текстовых категорий. Ядром общей экспрессивности текста являются его эмоциональность. непосредственная характеристика языковых средств, специально предназначенных для усиления эмоциональности содержания текста.

Степень экспрессивности синтаксических языковых средств высока, поскольку предложение «обладает своей собственной, четко выделяющейся функцией, состоящей в передаче эмоционального компонента содержания, и включает эмоциональную сему, которая в плане актуального членения входит в рематическую составляющую предложения» [6. С. 24–25]. Важным условием для создания и активного функционирования данных единиц является изменение высказываний под воздействием эмоций. Такое воздействие проявляется в том, что предложение становится более коротким, а логико-семантические отношения между высказываниями представляются имплицитно. При этом эмоциональная составляющая оказывает влияние на все структурно-смысловые элементы высказывания, а также четко фиксирует их порядок. Таким образом, эмоционально-экспрессивный аспект выступает в качестве одного из категориальных признаков синтаксических фразеологических единиц, в частности фразеосхем.

Термин «фразеосинтаксическая схема» (сокращенно – «фразеосхема») был введен Д.Н. Шмелевым, который подчеркивал, что в таких предложениях нет фразеологизации какого-либо отдельного слова, но фразеологической является сама схема предложения. Здесь всегда имеются заданность определенной схемы построения и ее «необратимость». Для иллюстрации он приводит такие примеры, как *Понимать я понимаю; Страх страхом; Правда не правда* и т.д. [7].

Под фразеосхемой мы понимаем синтаксические фразеологизированные конструкции, характеризующиеся признаками устойчивости, воспроизводимости, структурно-семантической цельнооформленности, идиоматичности и экспрессивности. «Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое, понятийное смысловое содержание, т.е. равное суждению, обладающая частичными грамматической и лексической членимостью, проницаемостью, расширяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию» [8. С. 85]. Синтаксическая схема таких построений всегда неоднородна и включает в свой состав два типа обязательных компонентов: неизменяемый (опорный) и изменяемый (морфологически устойчивый, но лексически варьируемый).

Экспрессивность фразеосхем зависит от многих факторов и создается различными средствами, например благодаря контрасту (асимметрии) между лаконичной формой и объемным содержанием. Это достигается за счет одновременной реализации информативной и экспрессивной функций при использовании минимального набора формальных языковых средств: – *No diga usted esas cosas, don Augusto. – ¡Cómo que no las diga! Sí, he vivido ciego, tonto, como si no viviera, hasta que llegó una mujer, ¿sabes?, otra, y me abrió los ojos y he visto el mundo, y sobre todo he aprendido a veros a vosotras, a las mujeres...* (M. de Unamuno. Niebla). ● – Не говорите мне таких слов, дон Аугусто. – **Как не говорить!** Да, я был слеп и глух, жил и как будто не жил, пока не появилась одна женщина, ты понимаешь, другая женщина, она открыла мне глаза, и я увидел мир; главное – я научился видеть вас, женщин. (“Следует говорить + высокая степень уверенности, удивление, возмущение, неодобрение и т.д.”) Данная фразеосхема выражает предметное содержание, а также разнообразные эмоции, для экспликации которых потребовалось бы несколько предложений нефразеологизированной структуры, например: «Я не могу не говорить. Я буду говорить. Я возмущен тем, что вы мне не разрешаете говорить об этом. И т.д.». Противоречие между малым объемом формы и значительным объемом содержания, т.е. формальной краткостью и информативной емкостью фразеосхемы, делает ее экспрессивной, привлекает внимание, вызывает эмоциональный отклик слушающего и придает речи естественный, непринужденный характер. Нарушение симметрии между формой и содержанием помогает воздействовать на интеллектуальную и эмоциональную сферы слушателя.

Рассматриваемое нами свойство фразеосхем может быть детерминировано

но категорией энантиосемии. В ее основе также лежит явление асимметрии языкового знака: «...форма и значение или, скорее, формальная и смысловая основа знака не всегда симметричны» [9. С. 85]. Энантиосемия представляет собой столкновение двух противоположных признаков: «положительного» и «негативного» (отрицательного). Использование одного из них опирается на ассоциативные связи с другим. Коммуниканты в той или иной мере осознают это противоречие, порождающее дополнительную экспрессивность речи: – *Usted es el hombre del siglo. No puede negarse que su entendimiento es prodigioso, a todas luces prodigioso... ¡Qué cabeza la de este joven sobrino de usted!* (B. Pérez Galdós. Doña Perfecta). ● – Вы – выдающийся человек. Нельзя отрицать, что ум у вас блистательный, совершенно блистательный. *Что за голова у вашего племянника, сеньора донья Перфекта! Что за голова!* (“У Вашего племянника хорошая голова + удивление, восхищение, одобрение, похвала и т.д.”); Ср.: – *¡Qué cabeza la de este joven sobrino de usted! No quiere estudiar, no quiere trabajar. A veces me parece tonto.* ● – *Что за голова у вашего племянника!* Он не хочет учиться, не хочет работать. Мне иногда кажется, что он ненормальный (“У Вашего племянника плохая голова + удивление, возмущение, неодобрение, досада и т.д.”).

Максимальной степени экспрессивность достигает в тех случаях, когда актуализации подвергается энантиосемичное значение, которое является противоположным формальной организации предложения. Это обусловлено тем, что информация, которая эксплицируется подобной синтаксической конструкцией, вступает в противоречие с ожиданиями собеседника, благодаря чему воздействует не только на разум, но и на эмоциональную сферу адресата, например: – *El abuelo era, yo no lo olvidaba, un viejo lobo de mar. ¿Por qué habría de temer ahora a este huracán inesperado?* (S. Mansisider. Se llamaba Cabalina). ● – Дедушка был старым морским волком. *Ему ли бояться неожиданно налетевшего урагана?* (“Он не может бояться неожиданно налетевшего урагана + высокая степень уверенности, удивление и т.д.”). Означающее данной фразеосхемы не содержит каких-либо лексико-грамматических компонентов, выражающих значение отрицания, однако её означаемое эксплицирует значение отрицания: «не может / не должен...». Подобные языковые единицы – это «результат вторичной номинации по преимуществу... И именно внутренняя форма является тем звеном, которое соединяет ценностную ориентацию говорящего субъекта с объективной действительностью» [10. С. 13]. Вторичное значение фразеосхем, форма и содержание которых противоположны, всегда экспрессивно. Благодаря этому энантиосемия способствует повышению их прагматического потенциала и является важным средством воздействия на собеседника.

Выражение значения положительной или негативной оценки предмета речи всегда опирается на знание ситуации, переданной контекстом. При этом контекст, в окружении которого функционирует данное предложение, «гасит все другие смысловые и функциональные значения (побуждения, вопросительности, возможности), заложенные в определенном типе синтаксической конструкции, оставляя лишь значение отрицания / утверждения факта в реальной действительности, а также его положительной или негативной оценки» [11. С. 84], например: *Y a propósito de Aurelio, ¡vaya hombre*

emprendedor! Asunto en que pone las manos se va a las nubes (А. Insúa. Nieves en Buenos Aires). • Кстати об Аурелио: **до чего предприимчивый человек!** Стоит ему приложить к чему-нибудь руки – дело сразу идёт в гору. (“Он предприимчивый человек + высокая степень проявления предмета речи, одобрение, восхищение и т.д.) Данная фразеосхема, помимо утверждения, выражает положительную оценку предмета речи и позитивное отношение к собеседнику. Однако мы узнаем об этом только из последующего контекста.

Энантисемия фразеосхем может носить неполный, частичный характер. Такая энантисемия называется квазиэнантисемией. Она имеет различный характер, например может быть связана с наличием у фразеосхемы только одного значения, которое противоположно формальной ее организации, например: **Pero ¿a qué estas notas lúgubres en una tonadilla tan alegre?... ¿A qué estas actitudes melodramáticas en un cuadro de género?** (Р.А. de Alarcón. Obras escogidas). • **Но к чему столь мрачные ноты в веселой песенке? К чему melodраматические позы в жанровой картинке?** (“Ни к чему столь мрачные ноты в веселой песенке... Ни к чему melodраматические позы в жанровой картинке... + высокая степень уверенности, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”). Данные фразеосхемы могут выражать лишь негативное значение, которое является противоположным положительной форме предложения. Изменение негативной семантики фразеосхемы на положительную в данном случае невозможно.

На степень экспрессивности фразеосхем также влияет способность к переосмыслению в грамматическом аспекте. На основе свойства асимметрии языкового знака строится грамматическая метафора (транспозиция), в результате которой появляется несоответствие формального и содержательного аспектов грамматического значения отдельных словоформ. Грамматическая метафора «всегда воспринимается на фоне стандартной (стилистически немаркированной) схемы развития текста, т.е. ощущается как отклонение от «шаблона» благодаря особому распределению грамматических (или иных) форм» [12. С. 25–26], например: – **У ¿cómo voy a estar contento si eso es una trampa? ¿O creen ustedes que yo soy sonso y me chupo el dedo?** (R.S. Payró. Pago Chico). • **Чем же мне быть довольным,** если это явный подвох? Или вы думаете, что напали на простачка, которого легко обвести вокруг пальца? (“Мне нечем быть довольным + удивление, досада, неодобрение, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”). В данном примере форма грамматической конструкции *ir a ser/estar algo*, используемая для обозначения будущего времени, выражает значение настоящего времени. «Стилистическая подчёркнутость переносного употребления данной формы ярко выделяется на фоне стилистической нейтральности или меньшей экспрессивности соотносительного прямого употребления другой формы» [13. С. 109]. Таким образом, явление грамматической транспозиции способствует повышению экспрессивности и эмоциональности фразеосхем и текста в целом и направлено на его эстетическое восприятие.

Экспрессивность фразеосхем также обусловлена влиянием внутренней формы, т.е. наличием тех связей, которые детерминированы ее соотношением с производящей синтаксической конструкцией. Так, например, степень экспрессивности фразеосхем, сформированных на основе вопросы-

тельного предложения, является довольно высокой. При реализации вопросительного предложения во вторичной функции оно не содержит побудительной семы. Однако высокие прагматические потенции вопросительного предложения передаются производной синтаксической конструкцией, которая, как правило, характеризуется заметной экспрессивной окрашенностью.

Вопросительные конструкции во вторичном значении используются для акцентуализации предмета речи, а также эмоционально-экспрессивного выражения отношения говорящего к нему. Следует отметить такие свойства вопросительного предложения, которые в качестве внутренней формы оказывают существенное влияние на характер формальной и содержательной организации фразеосхем, а также на их стилистическую маркированность и экспрессивность. Прежде всего, вопрос характеризуется наличием семы «незнания», существует ли предмет речи в действительности, нейтральным отношением к адресату, а также направленностью от говорящего к объективной действительности. Например: – ¿Seguro? Bueno *¿qué es lo seguro?* Nada hay seguro en la vida. Y menos un empleo. Un funcionario puede quedar en la calle sino piensa como el Gobierno. (P. Medio. Funcionario público). ● – Надежное предложение? Господи, *да что на свете надежно?* В жизни все ненадежно. И особенно – государственная служба. Чиновник может вылететь с работы, если он думает не так, как правительство. (“Ничто на свете не надежно + неодобрение, сожаление, огорчение и т.п.”). Производящей основой данной фразеосхемы выступает вопросительное предложение (специальный вопрос), например: – *¿Qué es lo seguro? – Mi palabra.* ● – *Что на свете надежно? – Мое слово /Из разг. речи/.*

Все это предрасполагает вопросительное предложение к более легкой трансформации в повествовательное или восклицательное предложение, в частности во фразеосхему. Кроме того, вопросительное предложение содержит сему побуждения, которая детерминирует высокую воздействующую силу производного предложения, т.е. фразеосхемы. Этому же способствует и обобщенный характер местоименного значения, выражаемого в вопросительных предложениях вопросительным местоимением. Обобщенность его значения детерминирована указательной функцией, которая в данном случае противопоставлена номинативной как абстрактное (общее) и конкретное (частное).

Однако следует отметить, что прагматический потенциал фразеосхем не исчерпывается данной семой. Он формируется также за счет фразеосинтаксического значения и различного рода эмоционально-экспрессивных сем, например: Oyó un golpe metálico, luego otro como de salpicadura y un grito ahogado, y vio a Hermione mirando por el agujero de la cerradura. – ¡Harry! – dijo ella. – *Vaya susto que nos has dado.* Entra. *¿Cómo está tu brazo?* (J.K. Rowling. Harry Potter y la Cámara Secreta). ● Он услышал стук металла, затем другой, похожий на брызги, сдавленный крик и затем увидел Гермиону, смотрящую в замочную скважину. – Гарри! – сказала она. – *Ну и напугал же ты нас.* Входи. Как твоя рука? (“Ты нас напугал + высокая степень проявления предмета речи, удивление и т.д.”).

Экспрессивность фразеосхем проявляется также в характере выражаемого ими значения. Особенностью семантического наполнения фразеосхем является обязательное наличие эмоционально-экспрессивного компонента, на-

пример: – *¡Menudo pillo estás hecho tú! ¡Y qué lástima de ojos, Dios mío!* (J. Marsé. Encerrados con un solo juguete). ● – *Какой же ты прохвост!* Господи, да во что ты превратился! Смотреть жалко! (“Ты большой прохвост + высокая степень проявления предмета речи, возмущение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”).

Фразеосхемы испанского языка используются в речи для выражения различных субъективно-модальных оттенков значения, поэтому оказывают непосредственное воздействие на адресата. В их семантической структуре экспрессивно-оценочные компоненты значения оказываются довольно значимыми, так как они содержат не только диктумную, но и модусную пропозицию.

Диктумные смыслы, отображающие объективные явления действительности, часто сопровождаются дополнительными смыслами, раскрывающими отношение говорящего к сообщаемому факту и к сообщению. Такие смыслы называют модальными [14. С. 19]. Модус часто называют факультативным признаком предложения, хотя некоторые ученые-лингвисты считают, что при формальной невыраженности субъективная модальность (модус) присутствует в предложении имплицитно: «...речь эгоцентрична и субъективна по самой своей природе. Это главное и фундаментальное ее свойство. И оно проявляется в любом высказывании как субъективно-модальное значение» [15. С. 73]. Например: *Malena bajó la escalera, aturdida. ¡Qué chasco se había llevado! ¡Y quién se imaginaría que aquellas haprías en pijamas remendados y batas desgarradas fueran las guapísimas muchachas que salían tarde a tarde como unas princesitas dejando boquiabiertos a los transeúntes* (M. Azuela. La maldición). Малена спустилась по лестнице совершенно потрясенная. Какое разочарование! *Кто бы мог подумать*, что эти ведьмы в заплатанных пижамах и драных халатах – те самые очаровательные женщины, на которых заглядывались изумлённые прохожие, когда они изредка появлялись на улице. Диктумная пропозиция данной фразеосхемы представляет собой следующее утверждение: «Никто не мог бы подумать». Модусная пропозиция выражает эмоционально-экспрессивную оценку предмета речи и содержит такие семы, как «изумление, сожаление, досада и т.д.». Во фразеосхемах с помощью модуса внимание слушающего акцентируется на различных компонентах пропозиционального значения (интенсема), что обусловлено спецификой их структуры.

Специфика фразеосинтаксических схем состоит также в том, что эмоционально-оценочное значение данных построений продуцируется не отдельными лексическими компонентами, которые входят в их состав, а синтаксической конструкцией в целом. Изъятие из состава фразеосхемы опорных компонентов полностью разрушает грамматическую структуру предложения, а также кардинально меняет ее значение. Нарушение целостности данных конструкций возможно лишь в определенных рамках и связано с наличием в их составе факультативных компонентов. Так как синтаксический уровень – это не уровень элементов, а уровень отношений, то синтаксическое значение определяется характером формы синтаксической конструкции. Коммуниканты четко не осознают значение формы, ее выбор носит подсознательный характер.

Экспрессивность фразеосхем также связана с их стилистической маркированностью. Данные языковые единицы относятся к разговорному стилю

речи и зачастую обладают окраской просторечия. Разговорные и просторечные фразеосхемы, употребляемые носителем литературного языка, создают контрастность, которая интенсифицирует прагматическую силу высказывания, например: *No es que realmente tuviera interés en pertenecer... aunque lo solicitara, pero por lo visto «no cumplo con las características»*. A pesar de su tono displicente, tenía amargura en el rostro. – *Pero cualquiera pensaría, cualquiera* (J.K. Rowling. *Harry Potter y la cámara secreta*). ● Не то чтобы он действительно хотел, чтобы его приняли... хотя он просил об этом, но, по всей видимости, он просто «не отвечал требованиям». Несмотря на неприветливый тон, на его лице отражалась глубокая скорбь. – *Но кто бы подумал, кто!* (Никто не мог подумать + возмущение, огорчение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.п.). В данном примере стилистически окрашенная фразеосхема, характеризующаяся наличием эмоционально-экспрессивного компонента, контрастирует с нейтральной стилистической маркированностью микротекста, который создан в соответствии с правилами литературного языка. Появление фразеосхемы в монологическом единстве противоречит ее традиционной роли реплики-реакции, которую она выполняет в составе диалогического единства. Благодаря своему эмоционально-экспрессивному заряду она делает все высказывание более выразительным.

Итак, фразеосинтаксические схемы испанского языка представляют собой экспрессивные средства языка, которые активно используются в разговорной речи, чаще всего в диалогической. Реализация прагматического потенциала таких синтаксических конструкций направлена на повышение эффективности общения в целом.

Использование данных синтаксических конструкций имеет большое значение в процессе коммуникации, придает ему экспрессивность и эмоциональность, что обуславливает их функционирование в качестве важного средства воздействия на собеседника.

Значимость подобных высказываний детерминирована наличием асимметрии означающего и означаемого, эмоционально-экспрессивного компонента значения, обязательным совмещением диктумной и модусной пропозиций, а также разговорной стилистической маркированностью.

Максимальной степенью экспрессивности характеризуются значения оценки, особенно негативной, а также высокой/низкой степенью интенсивности, чуть меньшей – значения утверждения и отрицания.

Все перечисленные типы значений являются обобщенными и представляют собой фразеосинтаксическое значение, которое выражается синтаксической моделью в целом, а не ее лексико-грамматическими составляющими.

Литература

1. Колианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: ЛКИ, 1984. 152 с.
2. Меликян В.Ю. Основы теории синтаксической фразеологии (на материале русского и английского языков). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 376 с.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
4. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. Ст. по языкознанию. М., 1958. С. 103–124.
5. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского

языка. М.: Высш. шк., 1984. 212 с.

6. Рыбакова М.В. Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложений (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 167 с.

7. Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // *Вопр. языкознания*. 1960. № 5. С. 47–60.

8. Меликян В.Ю. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом – вопросительным наречием // *Русский язык в школе*. 2013. № 5. С. 85–92.

9. Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967. С. 84–88.

10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

11. Меликян В.Ю. «Внутренняя антонимия» и способы её выражения в языке // *Русский язык в школе*. 1998. №2. С. 82–88.

12. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1984. 352 с.

13. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.

14. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

15. Солганик Г.Я. К проблеме типологии речи // *Вопр. языкознания*. 1981. № 1. С. 70–79.

EXPRESSIVITY OF FIXED PHRASE SCHEMES IN THE SPANISH LANGUAGE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 40–49. DOI 10.17223/19986645/29/4

Melikyan Anna V., Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Melikyan.anna@mail.ru

Keywords: fixed phrase scheme, expressivity, asymmetry, dictum, modus, stylistic markedness.

This article is devoted to the analysis of fixed phrase schemes in the contemporary Spanish language from the point of view of their expressivity. The emotional and expressive aspect is one of the categorical features of the syntactic fixed phrase units, and fixed phrase schemes in particular. Spanish fixed phrase schemes are used in speech to express different subjective and modal shades of meaning, that is why they influence the recipient directly.

The expressivity of fixed phrase schemes depends on many factors, it is created with the help of diverse means, for example, the contrast between the laconic form and the solid content, enantiosemy (symmetric or asymmetric), and grammatical transposition as well. Besides, the expressivity of fixed phrase schemes is influenced by their inner form, that is the presence of links determined by their correlation with the underlying syntactic construction.

Fixed phrase schemes contain both dictum and modus propositions. With the help of modus the recipient's attention is emphasized on the different components of the propositional meaning, which is conditioned by the specific structure of such syntactic constructions. The specificity is that the emotional and evaluative meaning of these units is not produced by separate lexical components that form the construction but by the whole syntactic construction. If to extract one of the compulsory structural elements it will lead to the destruction of the grammatical structure of the sentence and to a change of its meaning.

The expressivity of fixed phrase schemes is also connected with their stylistic features. These linguistic units are referred to the colloquial style and often have features of the vernacular. Colloquial and vernacular fixed phrase schemes literary language speakers use create a contrast that intensifies the pragmatic value of the utterance. And it helps them to function as one of the important means of influencing the speaker.

Thus, fixed phrase schemes in the contemporary Spanish language are expressive means of the language that are frequently used in colloquial speech, primarily the dialogic one. The realization of the pragmatic potential of these syntactic constructions is directed to the improvement of the communication effectiveness as a whole.

REFERENCES

1. Kolshanskiy G.V. *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow: LKI Publ., 1984. 152 p.

2. Melikyan V.Yu. *Osnovy teorii sintaksicheskoy frazeologii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Fundamentals of the theory of syntactic phraseology (based on Russian and English languages)]. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2011. 376 p.

3. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 143 p.
4. Galkina-Fedoruk E.M. *Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke* [On the expressiveness and emotionality in the language]. In: Efimov A.I. (ed.) *Sbornik statey po yazykoznaniiyu* [Collection of articles on linguistics]. Moscow: Moscow University Publ., 1958, pp.103-124.
5. Aleksandrova O.V. *Problemy ekspressivnogo sintaksisa: Na materiale angliyskogo yazyka* [Problems of expressive syntax: on the material of the English language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984. 212 p.
6. Rybakova M.V. *Emotsional'nost' v sisteme kommunikativnykh tipov predlozheniy (na materiale angliyskogo yazyka)*. Dis. kand. filol. nauk [Emotionality in the system of communicative types of sentences (in the English language). Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1985. 167 p.
7. Shmelev D.N. O "svyazannykh" sintaksicheskikh konstruktivnykh v russkom yazyke [On "bound" syntactic constructions in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1960, no. 5, pp. 47-60.
8. Melikyan V.Yu. *Frazeosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom-voprositel'nyim narechiem* [Fixed phrase schemes with an interrogative adverb as its main component]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2013, no. 5, pp. 85-92.
9. Skalichka V. *Assimetrichnyy dualizm yazykovykh edinits* [Asymmetric dualism of language units]. In: Kondrashov N.A. (ed.) *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow: Progress Publ., 1967, pp. 84-88.
10. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 143 p.
11. Melikyan V.Yu. "Vnutrennyaya antonimiya" i sposoby ee vyrazheniya v yazyke ["Internal antonymy" and ways to express it in the language]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1998, no. 2, pp. 82-88.
12. Firsova N.M. *Grammaticheskaya stilistika sovremennogo ispanskogo yazyka. Imya sushestvitel'noe. Glagol* [Grammatical stylistics of modern Spanish. Noun. Verb]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ., 1984. 352 p.
13. Bondarko A.V., Bulanin L.L. *Russkiy glagol* [Russian verb]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1967. 190 p.
14. Vsevolodova M.V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka* [Theory of functional communicative syntax: fragment of applied (pedagogical) model of language]. Moscow: Moscow University Publ., 2000. 502 p.
15. Solganik G.Ya. K probleme tipologii rechi [On the problem of the typology of speech]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1981, no. 1, pp. 70-79.